Статьи. Теория

Екатерина Глориозова
Свободный университет Брюсселя, Бельгия

Футбольный фанатизм как объект изучения социальных наук

Футбольный фанатизм может показаться вдвойне маргинальным объектом в рамках социальных наук: как с точки зрения формы (эмоциональная привязанность), так и с точки зрения содержания (футбол). Социальные науки долгое время воспринимали пристрастие как незначительный феномен, который слишком связан с индивидуальными предпочтениями и восходит к области психологии. И если увлечённые искусством или же иными культурными объектами вызывают внимание социологии культуры, то любители футбола остаются для неё мёртвой зоной. В данной статье автор анализирует, каким образом футбольный фанатизм может рассматриваться как объект социальных наук. Отталкиваясь от случая русских футбольных фанатов, автор выявляет главные характеристики страсти к футболу и показывает каким образом пристрастие к футболу может влиять на представления индивидов. Понятия «страсть» особо хорошо позволяет учесть интенсивное отношение, которое разыгрывается между индивидом и объектом его пристрастия. Пристрастие к футболу оказывается крайне продуктивным посредником: оно приобретает форму совокупности внешних знаков, становится объектом идентификации и одновременно источником солидарности и яростного противостояния. В равной мере оно предполагает драматическое измерение, которое способствует производству социальных представлений о мире. В тоже время, увлечённые футболом далеки от того, чтобы быть ослеплёнными своим пристрастием, и демонстрируют рефлексивность, а также критическую дистанцию, по отношению к их практике. Это рефлексивное отношение

Глориозова Екатерина — PhD, научный сотрудник, CEVIPOL (центр исследований политической жизни), Université libre de Bruxelles, Брюссель, Бельгия. Научные интересы: социология спорта, спорт и политика, футбольный фанатизм в России. E-mail: eglorioz@ulb.ac.be
Ekaterina Gloriozova — PhD in political and social sciences, researcher at CEVIPOL, Université libre de Bruxelles. Research interests: sociology of sport, sports and politics, Russian football fandom. E-mail: eglorioz@ulb.ac.be
Авторизованный перевод с французского выполнен Никитой Архиповым.

является ещё одним поводом принять всерьёз пристрастия в рамках социальных наук.

Ключевые слова: футбольный фанатизм, болельщики, страсть, социальные науки, спорт в России

Ekaterina Gloriozova, Université libre de Bruxelles, Belgium
Football fandom as a Subject-Matter of Social Sciences

Football fandom may appear as quite a marginal object in the social sciences, with regard to both its form (a passionate attachment) and its content (football). The social sciences have long seen the passions as a minority phenomenon, which is believed to be linked to individual preferences and to be an object of psychology. The sociology of culture paid attention to amateurs of art or cultural objects but was quite reluctant to study football fandom. The present article aims at questioning football fandom as an object of social sciences. Based on the case of Russian football fans, it explores the main characteristics of football fandom and shows how it could influence fans' social representations. It shows in particular the heuristic value of the notion of "passion", which allows us to grasp the intense relationship between the fan and the object of fandom. In that sense football fandom appears to be a rich mediator: it is materialised in several external signs, becomes an object of identification and knowledge, as well as a source of solidarities and oppositions. The passion for football also includes a dramatic dimension that allows the production of narratives and the creation of new social representations. At the same time, football fans are far from being blinded by their passion and demonstrate reflexivity and a critical distance toward their practice. This reflexivity is thus another reason for social sciences to take the passions seriously.

Keywords: football fandom, fans, passion, social sciences, sport in Russia

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-24-39

Если отвлечься от вопроса об определении, то футбольный болельщик прежде всего характеризуется пылкой страстью к команде. И как раз по этой причине объект исследования может показаться вдвойне маргинальным в контексте социальных наук: как с точки зрения формы (эмоциональная привязанность), так и с точки зрения содержания (футбол). Силы, которые противопоставляются разуму и над которыми надлежит одержать верх, долгое время осуждались философами-рационалистами (Платон, Декарт, Кант) [Meyer, 2007, p. 12-14][1], которые трактовали страсти в качестве нерефлексивного выражения эмоций.

1 Для философов Античной Греции страсти были привязанностями души, как об этом говорят греческий термин *pathos* (привязанность, болезнь) и ла-

Презрение к страстям было поставлено под сомнение в рамках политической мысли Макиавелли. Далекие от того, чтобы быть патологией, которую необходимо искоренить, страсти представлялись ему самим основанием человеческой природы. Таким образом, всякое политическое решение и in fine сохранение власти покоились на проницательном знании страстей подданных и способности предвосхитить их [Ansart, 2002]. Страсти были окончательно реабилитированы философией и романтической литературой XIX века (Кьеркегор, Ницше, Гете), которые порвали с культом разума, разместив чувственность и человеческое своеобразие в центр их произведений. Отныне страсть более не рассматривается в качестве препятствия свободе, но, напротив, в качестве крайней степени ее выражения [Meyer, 2007].

Смысл слова «страсть» в равной мере сместился: если изначально термин обозначал реакции (радость, грусть, гнев), произведенные внешними обстоятельствами, то сегодня он повсеместно отсылает к «стабильной аффективной направленности на особый объект» [Bromberger, 1998, p. 25]. Таким образом, страсть противопоставляется эмоции не только из-за ее фиксации на неком частном объекте, но в равной мере из-за ее постоянства, что позволяет исследователю проще ее различить.

Тем временем страсти долгое время были маргинальным (второстепенным) объектом в рамках социальных наук. Социальные науки воспринимали их как незначительный феномен, который слишком связан с индивидуальными предпочтениями и восходит к области психологии (даже психопатологии) [Donnat, 2009, p. 9]. И если увлеченные искусством или же иными культурными объектами вызывают внимание социологии культуры, то любители футбола остаются для нее мертвой зоной.

Бромберже резюмирует это неприятие следующим образом: «Серьезные люди охотно говорят о том, что подобное пристрастие остается пустым, смехотворным, маргинальным и временным, и не может многого сказать о реальном функционировании общества и тех ценностей, которые его моделируют. Как они утверждают, это пристрастие маскирует существенное и отвлекает от серьезной проблемы индивидуального и коллективного существования и представляется лишь не заслуживающей внимания рамкой в жизни и становлении общества. Но все же зачем присваивать себе земли, которые даже не имеют культурной ценности?

тинский термин *passio* (страдание). Мы находим следы этой негативной концепции в существительных французского языка: *passivité* (пассивность), *passif* [пассивный].

Изучать посетителей выставки или барочного концерта еще куда ни шло, но изучать футбол? Над кем вы смеетесь?» [Bromberger, 2012, p. 5].

Неудивительно, что первые работы о страстях, которые носили менее элитарный характер, были инициированы антропологами, изучающими культуру в широком смысле, включая искусства, но и также в равной мере верования, обычаи и традиции, принадлежащие различным сферам [Cuche, 1997, p. 20-27]. В этом смысле Кристиан Бромберже стал первопроходцем, если говорить о франкоязычном мире, по части интереса к различным формам пристрастий в отношении самых разнообразных объектов: он изучал любителей орфографии, ценителей вина, интересующихся микроинформатикой, мотоциклами или же домашними животными [Bromberger, 1998].

В одной из своих книг автор пытается продемонстрировать, чем же именно интересен разговор о страстях. Согласно Бромберже, термин «досуг» «охватывает слишком многое», смешивая практики случайного характера с регулярными практиками, но не учитывает интенсивно переживаемого отношения, что имеет место внутри этой пустяковой, на первый взгляд, деятельности. В равной мере автор отбрасывает термин «хобби», покрытый «древней аристократической вуалью, слабо охватывающей такие феномены, как возбуждение и превращение [отдельных форм хобби] в массовое явление». Он отказывается говорить и о моде, поскольку она не подходит для анализа феноменов, которые являются постоянными [Ibid.].

В этой публикации мы задаемся целью представить, отталкиваясь от кейса русских футбольных фанатов, главные характеристики страсти к футболу. Таким образом, мы увидим, как последняя может влиять на представления индивидов, которые предаются этому занятию.

Характеристики пристрастия к футболу

Кристиан Бромберже определяет своих респондентов как «обычных фанатов». Это выражение, представляющееся на первый взгляд оксюмороном, в действительности ставит акцент на социально приемлемом характере практик, которые не воспринимаются в качестве маргинальных или незначительных. Речь, напротив, идет о социально ценном аспекте человеческого существования, свидетельствующем о переходе к такому типу общества, где отсутствие увлеченности чем-либо считается признаком «экзистенциальной неполноценности» [Bromberger, 1998, p. 24].

а) Временные и финансовые затраты

Прежде всего увлеченные футболом люди характеризуются примечательными внешними признаками, которые указывают на потраченные время и деньги [Ibid., p. 27]. Футбольные болельщики часто различаются по крайне заметной атрибутике, которая призвана поддержать их команду (одежда с клубными цветами, именами игроков или же девизом команды), продемонстрировать свою привязанность к ней (тату, значки, объекты, выкрашенные в цвета клуба).

Коллекционирование различных объектов, связанных с клубом, — деятельность, которая широко распространена среди тех, кто увлекается футболом. В числе самых впечатляющих примеров в данном контексте можно упомянуть болельщика команды «Спартак», который приобрел 4500 шарфов, или же болельщика «Динамо», собравший коллекцию флаеров всех встреч московской команды. Временные затраты достаточно велики, большая часть опрошенных признает, что они не могут вообразить свою жизнь без футбола. Об этом свидетельствует интервью с двадцатилетним Даниилом, болельщиком ЦСКА.

> *Это занимает у меня много времени. Довольно сложно представить, что я делал бы без футбола. Вся моя жизнь — это футбол. Иногда я задумываюсь и говорю себе: «блин, это же всего лишь игра, как на ней до такой степени может основываться целая жизнь? Жизнь миллионов людей на планете! На самом деле, это невероятно и круто»* (Интервью с Даниилом, Москва, 14.05.2016).

Часто подобные затраты сил сравниваются с аддикцией, что согласуется с изначальным пониманием страсти как одержимости. Так Евгений, который смотрит матчи исключительно на стадионах, говорит следующее.

> *Уже три года я не пропускаю ни одного мачта Динамо. И я даже не могу представить просмотр мачта по телевизору. Мое тело требует этого. Некоторые целыми днями пьют водку, они не могут без нее, а я должен ходить на футбол* (Интервью с Евгением, Москва, 23.04.2014).

Следует отметить, что футбольным фанатам свойственна практика выездов: болельщики постоянно совершают поездки с целью поддержать свою команду в ходе выездного матча. Речь идет об особом моменте, об авантюре, которая часто переживается коллективно. Когда в 2014 г. я брала интервью у Евгения, он праздновал круглую дату: 200 выездов. В 44 года он все еще не прекратил этим заниматься.

> *Сегодня я люблю путешествовать больше, чем когда-либо. Я повстречал многих людей. Даже если это десятая поездка в Самару или Пермь, это все равно интересно. Возможно, я должен был родиться в Англии: там люди не думают о том, за-*

чем они едут на выездной матч. Там выезжают тысячи человек, и на домашних матчах стадионы всегда полные (Интервью с Евгением, Москва, 23.04.2014).

Конечно, речь идет о значительных временных и денежных затратах: русские болельщики указывают, что следовать за своей командой на большие дистанции сложно.

Кирилл — *Самая незначительная дистанция — поездка в Питер, 650 километров; для английских болельщиков — это максимальная дистанция. Поездка во Владивосток занимает 7 дней на поезде. В эти 7 дней у тебя есть время забыть, почему ты вообще куда-то поехал, за кого ты болеешь и что ты хочешь.*
Виктор — *Конечно, дистанция играет важную роль. Однажды мы играли в Манчестере, и следующая игра была против клуба «Океан Находка». Взяв атлас, мы показали англичанам наш маршрут, они: Нее... но это же Китай! Это невозможно! Они были в шоке. Их максимум — шестичасовое путешествие. Мы им показали: вот она, Россия!* (Интервью с Виктором, Кириллом и Сергеем, 22.04.2014)

Отвлекаясь от вопроса о затратах, стоит упомянуть, что эти поездки представляются серьезным опытом высокой интенсивности, который порой трудно описать: информанты не находят слов или же убеждены в том, что их нельзя понять.

Раньше мы проезжали пол-России на электричке, вы понимаете, что это такое? Нет, вам этого не понять! (Совместное интервью Паши и Васи, 03.07.2016)

Иногда этот опыт роднится с инициацией, которая не лишена элемента страдания.

Паша — *Говорят, что, если ты один раз поехал на выезд, либо ты больше никогда не поедешь, либо ты будешь ездить всю жизнь.*
Вася — *Да, это правда. Это болезнь (...) однажды на выезде один чувак сломал себе ключицу. Он мне говорит: «Ладно, я поехал домой». Я ему: «Какое домой? Ты на выезде, ты должен оставаться до конца!». Была ситуация, когда один тип повредил себе позвоночник, но, тем не менее, остался, он пробил золото! «Пробить золото» означает посетить все выездные матчи в сезоне, это действительно очень круто. Я вспоминаю те времена, это было круто. Конечно, не все могут этим заниматься, но, блин, он [повредивший позвоночник] дошел до конца!* (Совместное интервью Паши и Васи, 03.07.2016)

Путешествия обещают новые знакомства, которые, как признает болельщик «Спартака», иногда носят любовный характер, но также обещают открытие новых городов и стран. Конечно, болельщики особенно рады, когда их команда проходит квалификацию на международные соревнования.

В рассказе 29-летнего Вадима, болельщика «Спартака», сжато изложены подробности одной успешной поездки: здесь и эмоции, связанные со спортивным спектаклем, и моменты разделенной

со всеми эйфории, и стычка с полицией и другими болельщиками, и весь перечень туристических достопримечательностей. Вот, как он описывает свое путешествие в Испанию.

> *Бывают поездки, когда ты хотел бы, чтобы это никогда не заканчивалось, как это было в Барселоне. Мы провели два дня на Майорке, а потом были на нереальном матче (...) Атмосфера на стадионе была невероятной: мы все пели Катюшу, а испанцы бегом удирали. Небольшой махач перед матчем с группой храбрых испанцев, потом — с полицией. Самые строгие полицейские в Испании и Португалии! (...) Ты приезжаешь на стадион и (...) всякий человек, который любит футбол, и неважно, кого он поддерживает, мечтает посетить Камп-Ноу в Барселоне. И вот ты здесь, смотришь, как твоя команда играет. Это, как если бы ты пришел смотреть, как твоя сестра поет в опере. Твоя команда играет против одного из лучших клубов Европы, проигрывает с минимальным разрывом, но сражается до конца, хотя это было не лучший период для «Спартака». Потом ты выходишь со стадиона и распиваешь все сорта напитков, какие только есть на улицах, а затем приходит полиция и говорит, что нельзя. Но они видят сотню русских, которые и не думают расходиться, и не знают, как нас разогнать. После этого они возвращаются в машину и уезжают. И это прикольно. А затем, между делом, ты идешь посмотреть на собор Святого семейства, и это очень красиво, посещаешь прочие окрестности и т. д.* (Интервью с Вадимом, Москва, 21.08.2014)

b) Персонификация объекта пристрастия

Те, кто чем-то увлечен, имеют склонность трансформировать объект своей страсти в обожаемого «субъекта-партнера», который является источником беспокойства, досады или даже возмущения «на манер любовного отношения, страсть является навязчивым опытом — драмой, состоящей из запутанной мешанины страдания и наслаждения, опыта фрустрирующего ожидания и эфемерного счастья» [Bromberger, 1998, p. 23]. В рассказах болельщиков встреча с объектом страсти часто схожа с ударом молнии. Многие вспоминают о первом стадионном мачте, определяя этот момент как «озарение» (Интервью с Константном, Москва, 30.09.2014) или «шок» (Интервью с Амиром, Москва, 27.05.2013). Клуб или же футбол в целом часто персонифицируются, как это иллюстрирует следующий пассаж, опубликованный в социальной сети ВКонтакте.

> *Многие годы футбол оставался неизменным... Ваша невеста переспала с вашим лучшим другом, любимая музыкальная группа выпустила дерьмовый альбом, наркота перестала торкать, но на футбол можно было положиться всегда*[1].

Болельщики характеризуются крайне сильной аффективной привязанностью к любимому клубу, который описывается как «свой», «род-

1 Взято из группы в социальной сети VK. Запись от 24.05.2016, http://vk.com/ultras_apho.

ной» или же отождествляется «с целым миром». Сергей утверждает, что любит всех игроков своего клуба, как «если бы они были его близкими» (Интервью с Сергеем, Москва, 03.06.2016). Стас, болельщик «Торпедо», признает, что его любовь остается такой же сильной вопреки всем разочарованиями и страданиям, перенесенным в силу множества сложностей последних лет, через которые прошел его клуб.

> *Я — фанат «Торпедо» до мозга костей: я провел много времени со своим увлечением, участвовал во всем и видел все вместе с моим клубом. Где бы не играл клуб, я всегда поеду поддержать его и буду любить его, как ребенка* (Интервью со Стасом, Москва, 28.06.2016).

Стас рассматривает свою привязанность к клубу «Торпедо» как семейную традицию и привязанность к родной земле.

> *Слава богу, у меня выбора не было: я родился в торпедовской семье. Моя мама и дедушка с бабушкой по материнской линии жили неподалеку [показывает направление][1], это видно отсюда. Бабушка работала в тринадцатой больнице, а дед — на заводе ЗИЛ[2]. Мама росла здесь и занималась коньками на «Торпедо», в то время как папа играл там в футбол, а дед по отцовской линии тоже был работником завода ЗИЛ. Таким образом, «Торпедо» повсюду, и именно так мои родители познакомились, так получился я. У меня мог быть один единственный выбор, и, слава богу, что этот выбор был таким, я ни о чем не жалею.* (Интервью со Стасом, Москва, 28.06.2016)

В итоге клуб стал семьей.

> *Я даже наравне с семьей поставил бы. Потому что «Торпедо» — это моя вторая семья. В начале жена ревновала и было много вещей, которые она не понимала, но сейчас она смирилась, она всех знает, жены дружат. Что поделать, если мужья такие? Если они на этом помешаны? Это навсегда. Это неизлечимая болезнь. Наверно, я больной человек. Но лучше так. Я другого не хочу.* (Интервью со Стасом, Москва, 28.06.2016)

Привязанность, в основе которой лежит спортивное представление [Bromberger, 1995, p. 29-30][3], провоцирует процесс идентификации [Nuytens, 2008; Lestrelin, 2010; Soontag, 2008; Giulianotti, 2002] с клу-

1 Стадион «Торпедо», расположенный в непосредственной близости от завода ЗИЛ и долгое время находившийся под его покровительством, является единственным клубом Москвы, в котором сочетаются социальная и географическая принадлежность болельщиков, по сей день часто выражающих через свое увлечение идентичность рабочих.

2 Завод имени Лихачева — автомобильный завод.

3 Удовольствие от спортивного представления во многом основывается на привязанности и идентификации с командой или же со спортсменом, которая позволяет зрителю ощутить свою причастность к ходу встречи.

бом, которая может выразить принадлежности разного рода: социальный статус, регион или же государственную принадлежность в случае, если речь идет о национальной команде.

c) Важность компетентности

Важную часть увлеченности составляет компетентность в этой области, которая часто связана с приобретением журналов, статей или чтением специализированных сайтов. Одним из существенных источников удовольствия, которые извлекаются из этой увлеченности, являются дискуссии сверстников об объекте их пристрастия [Bromberger, 1998, p. 29]. Дабы проиллюстрировать этот продолжительный поиск в целях овладения информацией, возьмем пример 48-летнего Льва, который болеет за «Динамо» с юношеской поры.

> *Я думаю, что, когда мы увлечены чем-то в подростковый период, то это занимает безумное количество времени. Мне было несложно учиться в школе, поэтому я проводил большую часть времени за игрой в футбол, просмотром матчей или коллекционированием журналов, марок и не-знаю-чего-еще, связанного с футболом: таблицы, графики и т. д.* (Интервью с Львом, Москва, 22.08.2014)

Он признает, что это пристрастие сыграло важную роль в его жизни, создав предрасположенность к будущему призванию.

> *Возможно, что в довольно юном возрасте выбор моей профессии был во многом определен интересом к статистикам матчей. В итоге я оказался на факультете экономики и статистики и интересовался цифрами, графиками, каузальной связью между ними, а также таблицами.*

Благодаря увлеченности и желанию собирать информацию о любимом клубе Лев даже научился программировать.

> *Только в 1995-м, начале 1996-го я начал знакомство с интернетом. В первую очередь я смотрел информацию о «Динамо», которой было очень мало. У них не было официального сайта, ничего не было. Я был огорчен, что у нет страницы, поэтому я решил создать ее. Я сам научился этому, купив мануал по программированию. Я все написал и нарисовал самостоятельно. Это было в 1997-м.*

Знание истории клуба часто — необходимое условие для всякого болельщика, который себя уважает. Будучи важным поводом для гордости, история клуба — постоянный предмет дебатов и бесконечных реинтерпретаций. Лев приложил много усилий, чтобы восстановить нечто, что он рассматривает как «историческую правду».

В течение долгого времени болельщики полагали, что основателем клуба был Дзержинский, и я горд тем, что мне удалось добиться публикации статьи одного из наших знаменитых историков Евгения Анатольевича Школьникова, посвятившего эту статью настоящему основателю клуба «Динамо», Павлу Семеновичу Уральцу. Я совершил невероятные усилия, чтобы разыскать его сына в Штатах, в то время как простыли всякие следы этого человека. Это был титанический труд: я искал его практически год. Он помог мне с фотографиями, и так мы опубликовали настоящую историю основания клуба. В конечном счете Уралец был официально признан как основатель клуба «Динамо». Для меня это было самым большим успехом журнала, нам удалось восстановить историческую правду. (Интервью с Львом, Москва, 22.08.2014)

d) Важность коллектива

Идентификация, свойственная практике болельщика, с необходимостью включает коллективную составляющую. Речь идет не просто о том, чтобы в индивидуальном порядке «узнать» себя в игроке или команде, но в действительности разделить эту характеристику с группой «подобных». Если количество и представляется важным ресурсом, то в силу того, что оно в особенности обеспечивает чувство причастности и сплоченности, которое выходит далеко за пределы одной единственной игры и покоится на множестве связей [Nuytens, 2008, p. 44].

Нужда в разделении своего пристрастия чаще всего приводит к созданию коллективов, превращающихся в место производства общих ценностей и понятий, которые могут объединять представителей крайне разных социальных профилей. «Внутри ситуации, где интерес властвует над статусной дифференциацией, размываются скованность, присущая повседневному социальному порядку, устанавливаются отношения, проникновенные речи, а также теплое ощущение тесных уз, потерянное в обычной жизни. Группа имеет представление о героях, локальных и национальных лидерах, а также эмблематических фигурах, которые скрепляют и конкретизируют это отношение принадлежности» [Bromberger, 1998, p. 32].

Когда мы опрашиваем болельщиков о том, как страсть к футболу воздействует на их жизнь, то самый распространенный ответ отсылает к упоминанию круга друзей, который это увлечение позволило им завести.

Это позволило завести мне много новых друзей и знакомств. Я думаю, любое хобби положительно влияет на людей. И неважно, коллекционируешь ли ты бабочек или рыбачишь, ты найдешь единомышленников, если только твое хобби не заключается в том, чтобы резать людей на кусочки, но даже среди таких должно быть свое секретное сообщество [смеется]. (Интервью с Борисом, Москва, 24.04.2014)

Способность производства социального, сконструированная вокруг увлеченности клубом, оказывается особо важной в случае таких больших городов, как Москва.

> *Все мои друзья соглашаются: часто ходить на стадионы интересно, потому что ты 50–60% времени общаешься в друзьями. Потому что жизнь в Москве такая быстрая и суетливая, и стихийная, у нас не так много возможностей видеться. [...] Поэтому посещения стадионов — это общение. Мы проводим вместе некоторое время до матча: можем сходить перекусить, выпить кофе или что-нибудь обсудить. Стадион всегда приносит позитивные эмоции, потому что предполагается, что там мы встретимся с другими людьми. Так происходит, потому что мы, как правило, находимся одни. Когда мы возвращаемся домой, там всего один или два человека, в то время как на стадионе очень много людей, и все они разделяют один и тот же идеал. Много книг было посвящено тому факту, что человек — стадное животное, которое всегда пытается объединиться с похожими на него людьми.* (Интервью с Львом, Москва, 22.08.2014)

В этом отношении существенная характеристика увлеченности футболом заключается в возникновении организованных групп болельщиков, последствия социализации которых привлекают внимание социологов спорта [Bromberger, 1995; Hourcade, 2004 Nuyetens, 2004; Lestrelin, 2010; Pilz, 2002]. Различаются две больших модели организованной деятельности болельщиков: футбольные хулиганы и ультрас [Mignon, 1998, p. 67-71]. Футбольные хулиганы соотносятся с формой организации болельщиков, которая появилась в Англии шестидесятых годов, когда юные болельщики объединялись в банды. Их практики были сосредоточены преимущественно вокруг насилия: главной целью была защита цветов клуба в драке с болельщиками команды-противника [Armstrong, 1998]. В свою очередь модель «ультрас» обобщают практики итальянских болельщиков того же самого периода. Эти практики были связаны с визуальной и звуковой поддержкой команды на стадионах, но при этом не исключали возможность насилия [Louis, 2008; Testa, 2009].

Две модальности были воспроизведены в крайне разных национальных контекстах[1]. Чаще всего обе формы сосуществуют в одной и той же стране (например, во Франции) [Bodin, Robene, Heas, 2007; Hourcade, 2003]. Иногда одна из моделей занимает господствующее положение (ультрас в Египте) [Gibril, 2015]. Случается, что две этих формы накладываются друг на друга: группы болельщиков одновременно обеспечивают как поддержку команды на стадионе, так и тылы своих боевых товарищей (Восточная Европа) [Kossakowski, 2017]. На примере России хорошо заметно, что организованные болельщики, несмотря на всю зрелищность происходящего, не все-

1 По теме компаративного анализа см. [Spaaij 2006; Brown 2007].

гда питают «интенсивной» привязанности к клубу. На самом деле современная форма футбольного хулиганства в России роднится со спортивным соревнованием, участники которого рекрутированы за их способности к боевым видам спорта и, что верно для некоторых из них, мало интересуются футболом [Gloriozova, 2018].

Напротив, некоторые болельщики, как юный Даниил и менее юные Лев и Евгений, процитированные ранее, никогда не входили в ту или иную группу болельщиков, что не мешает им быть крайне вовлеченными как в плане временных затрат, так и в плане их аффективной деятельности. Частое посещение стадионов не всегда является релевантным критерием для оценки степени привязанности болельщика к клубу. Мы встречались с болельщиками, которые, не имея возможности посещать стадион на постоянной основе, все равно выстраивали жизнь вокруг футбола (просмотр матчей по телевизору, в интернете, в барах или социальных сетях и т. д.).

е) Драматическое и метафорическое измерение

Кристиан Бромберже также выделяет драматическое измерение этой страсти, которая часто переживается в качестве серии испытаний и неожиданных поворотов, где элемент случайности играет важную роль. С его точки зрения, эта страсть представляется в качестве метафоры для «движущей силы жизни в ее непостоянстве» [Bromberger, 1998, p. 30-31]. В этом ключе особенность футбола была хорошо сформулирована в комментарии Амира.

> *Я, например, думаю, что театр — это профанация, и я поясню свою точку зрения. Вы можете не соглашаться, но как можно с тем же вдохновением возвращаться 300 раз подряд к одной и той же роли? Вы можете изменить некоторые жесты, но это не настоящее искусство. А футбол — это жизнь. Ни один матч и ни один эпизод не похожи друг на друга, ничего никогда не повторяется. Солнце может сиять совсем иначе, а судья может оказаться идиотом. Не так важно, что может произойти, но каждый раз на твоих глазах развертывается сама жизнь.* (Интервью с Амиром, Москва, 27.05.2013)

Особенность увлеченности футболом заключается в крайне интенсивных эмоциях, которые проявляются во время матчей, как это описывает 20-летний Илья, болельщик «Локомотива».

> *Я — Ты можешь описать те эмоции, что ты ощущаешь, когда смотришь матч?* Илья *— Я мог бы воспользоваться цитатой из фильма: это как будто ты прыгаешь из самолета, но парашют не раскрывается, а затем, хоп, обнаруживается, что у тебя есть запасной! [смеется]. И это производит такой эффект… [изображает подъем и падение]. Ты полностью погружаешься в эту атмосферу и ни о чем не думаешь. Ты беспокоишься, глаза горят, ощущается*

поток эмоций, ты беспокоишься, кусаешь себе локти, грусть, твоя команда проигрывает, радость. Фейерверк в груди. Ты выжидаешь этот день, этот матч. Думаешь, с кем пойдешь туда, как это будет: ты представляешь сцену. Когда твоя команда проигрывает, наступает грусть, ты ощущаешь (...) я не знаю, как определить это (...) словно тебе положили соль в чай, ну или нечто в таком духе, а затем ты шагаешь (...) небо серое, а ты так и шагаешь, согнув спину. Потом ты утешаешь себя, приговаривая, что следующий матч пройдет лучше. (Интервью с Ильей, Москва, 19.05.2016)

Эмоции, вызываемые футболом, выходят далеко за пределы конкретного мачта и имеют длительный эффект.

Ты стоишь на переполненном секторе, где яблоку некуда упасть! Тут полно людей, которые ждут выхода команды, ждут, что сегодня она выиграет. Мы и ЦСКА идем впритык, нереальные эмоции, когда мы забиваем гол (...) ты рядом с типом, которого ты даже не знаешь, но ты обнимаешь его и готов задохнуться от радости, это непередаваемые ощущения. Эти чувства остаются с тобой весь день — матч в час дня, но ты ощущаешь это до самого вечера, твой день заполнен этим; мы встречаемся после матча и обсуждаем его. Всю последующую неделю ты находишься захваченным этими впечатлениями. Это можно сравнить с походом в театр, где ты видишь невероятную пьесу, которая тебя восхитила (...) Ты посмотришь спектакль, а после этого у тебя будут позитивные эмоции, которые останутся с тобой. Вот, на что это похоже. (Интервью с Вадимом, Москва, 21.08.2014)

f) Противостояние и конфликт

В конечном счете в качестве существенных атрибутов этой страсти могут выступить оппозиция и конфликт, которые могут быть выражены в отношении разного рода противников или врагов. Для начала речь идет о тех, кто не признает обоснованность этой страсти или же препятствует ей [Bromberger, 1998, p. 32]. В действительности опрашиваемые болельщики часто думают, что их не понимают.

Переживание, связанное с полной отдачей своему увлечению вопреки всему, усиливает узы дружбы и солидарности.

Для нас это было еще сложнее, потому что на нас нападали со всех сторон. Родители по вечерам дома, полиция, болельщики других клубов. Поэтому я могу сказать, что именно из-за этого вера в моих друзей родилась именно тогда и существует до сих пор. Доверие и лояльность к моим друзьям остались, все это осталось. (Интервью со Степаном, Москва, 23.05.2016)

В равной мере это может касаться и «внутренних» врагов, которые ставят под сомнение искренность их вовлеченности в дело.

С годами, как я это вижу, таких болельщиков становится все больше и больше. Сейчас стало модным, красуясь перед девчонками, прогуливаться в шар-

> *фе и любить футбол; но я не воспринимаю этих людей как болельщиков, они не знают историю. Вы спрашиваете их, в каком году был создан «Спартак», и многие не могут ответить. И я даже не говорю об именах игроков. Они даже не знают братьев Старостиных*[1]*. Они слышали разговоры о них, но не смогут даже сказать, сколько их было.* (Интервью с Александром, Москва, 01.05.2013)

В конечном счете соперничество с другими клубами и их болельщиками оказывается камнем преткновения в увлечении футболом. Это противостояние может доходить до отказа от общения с болельщиками другого клуба. Это случай Жени, молодого болельщика ЦСКА, который признает, что избегает дружбы подобного рода, так как *«футбол все же представляется чем-то слишком важным для меня, поэтому, встречая кого-то, я обращаю на это внимание»* (Интервью с Женей, Москва, 04.07.2016).

В равной мере это противостояние связано с чувством гнева, физическим противостоянием, будь оно спонтанным или организованным.

Заключение

Сам термин «страсть» позволяет учесть интенсивность отношений между индивидом и объектом его пристрастия. Как показывает Антуан Геньен [Hennion, 2009], социология старается отнестись к этому аспекту небрежно, предпочитая анализ через понятие социального. Объяснение страсти через социальный детерминизм берет верх над пониманием самого пристрастия, которое в действительности важно для самих фанатов. Обращая внимание на это отношение, Геньен предлагает «вновь населить мир посредниками и продемонстрировать их активную роль в со-производстве субъективностей и объектов» [Hennion, 2003]. Пристрастие к футболу оказывается крайне продуктивным посредником: оно приобретает форму совокупности внешних знаков, становится объектом идентификации и одновременно источником солидарности и яростного противостояния. В равной мере оно предполагает драматическое измерение, которое способствует производству социальных представлений о мире.

Эти примеры в равной мере показывают, что увлеченные футболом далеки от того, чтобы быть ослепленными своим пристрастием, и демонстрируют рефлексивность, а также критическую дистанцию по отношению к своей практике. Зачастую именно внутри этого пристрастия они черпают возможности обрести знания, сообщающие им чувство превосходства над окружающим миром.

1 Основатели клуба «Спартак».

Это рефлексивное отношение является еще одним поводом принять всерьез пристрастия, в некоторой мере осмелившись «де-социологизировать» исследуемый объект.

Библиография / References

Ansart P. (2002) Connaissance des passions politiques. Platon, Machiavel, Tocqueville. *Les cahiers psychologie politique*, (1).

Armstrong G. (1998) *Football Hooligans: Knowing the Score*, Oxford: Berg.

Bodin D., Robène L. (2007) Le hooliganisme en France : entre traitement social "médiatisé et désintérêt institutionnel". *Revue européenne de management du sport,* (16).

Bromberger C. (1995) *Football, la bagatelle la plus sérieuse du monde,* Paris: Editions Bayard.

Brown S. (dir.) (2007) *Football Fans Around the World: From Supporters to Fanatics*, Abingdon: Routledge.

Bromberger C. (1998) *Passions ordinaires. Football, jardinage, généalogie, concours de dictée,* Paris: Bayard Editions.

Bromberger C. (2012) *Le match de football: ethnologie d'une passion partisane à Marseille, Naples et Turin*, Paris: Maison des sciences de l'Homme.

Cuche D. (1997) Nouveaux regards sur la culture: L'évolution d'une notion en anthropologie. *Sciences humaines,* 77: 20-27.

Donnat O. (2009) Présentation , dossier "Passionnés, fans et amateurs". *Réseaux*, 153 (1).

Gibril S. (2015) Contentious politics and bottom-up mobilisation in revolutionary Egypt: the case of Egyptian football supporters in Cairo. F. Gerges (éd.) *Contentious Politics in the Middle East: Popular Resistance and Marginalized Activism beyond the Arab Uprisings,* Londres: Palgrave.

Gloriozova E. (2018) Russia. *Palgrave International Handbook of Football and Politics*, London: Palgrave Macmillan: 265-285.

Giulianotti R. (2002) Supporters, Followers, Fans, and Flaneurs: A Taxonomy of Spectator Identities in Football. *Journal of Sport and Social Issues*, 26 (1): 25-46.

Hennion A. (2009) Réflexivités. L'activité de l'amateur. *Réseaux*, 153 (1): 55-78.

Hennion A. (2003) "Engager son propre goût", entretien autour de la sociologie pragmatique d'Antoine Hennion. ethnographiques.org (http://www.ethnographiques.org/2003/Schinz,Flou).

Hourcade N. (2004) Les groupes de supporters ultras. *Agora Débats/Jeunesse*, 37: 32-42.

Hourcade N. (2003) L'émergence des supporters ultras en France. *Emergences culturelles et jeunesse populaire. Turbulences ou médiations?* Paris, L'Harmattan: 75-89.

Kossakowski R. (2017) Where are the hooligans? Dimensions of football fandom in Poland. *International Review for the Sociology of Sport,* 52 (6).

Louis S. (2008) La politique dans le mouvement ultra en Italie. *Le football à l'épreuve de la violence et de l'extrémisme*, Lausanne: Editions Antipodes: 67-85.

Lestrelin L. (2010) *L'autre public des matchs de football. Sociologie des supporters à distance de l'Olympique de Marseille,* Paris: EHESS.

Meyer M. (2007) *Le philosophe et les passion*, Paris: Presse Universitaire de France: 12-14.

Mignon P. (1998) *La passion du football*, Paris: Odile Jacob, 67-71.

Nuytens W. (2004) *La popularité du football. Sociologie des supporters à Lens et à Lille,* Arras: Artois Presses Université.

Nuytens W. (2008) Le supportérisme: identification, distinction, égotisme. *Football et identité,* Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles: 31-45.

Pilz G. (2002) Fussball ist unser Leben?! Leerformel oder gesellschaftspolitische Herauforderung. *Der Fussball. Eine Beitrag zu einer Gesellschafskultur der Zukunft,* Stuttgart: Württembergischer Fussballverband: 59-77.

Spaaij R. (2006) *Understanding Football Hooliganism: A Comparison of Six Western European Football Clubs,* Amsterdam, Universiteit van Amsterdam.

Sonntag A. (2008) *Les identités du football européen,* Grenoble: Presses universitaires de Grenoble.

Testa A. (2009) The UltraS: An Emerging Social Movement. *Review of European Studies*, 1 (2): 54-63.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Глориозова Е. (2018) Футбольный фанатизм как объект изучения социальных наук. *Социология власти*, 30 (2): 24-39.

Gloriozova E. (2018) Football fandom as a subject-matter of social sciences. *Sociology of Power*, 30 (2): 24-39.

Поступила в редакцию: 4.06.2018; принята в печать: 12.06.2018